

Условия эффективного функционирования новых рыночных экономик*

© А.Н. Анисимов, О.А. Андришкевич, И.М. Денисова, 2002

Рассматриваются условия приобретения переходными экономиками свойства рыночности, основные системные особенности новых рыночных экономик. Выделен ряд видов последних. Показано наличие существенных системных различий между новыми и развитыми рыночными экономиками и несовпадение системных условий их оптимизации.

Новая рыночная экономика как особый тип хозяйства

Экономика обладает рыночным качеством, если, *во-первых*, основным объектом регуляторных воздействий в процессе управления ее функционированием являются рынки и параметры, характеризующие производство и потребление ВВП, а не непосредственно хозяйственные субъекты, а *во-вторых*, в системе регуляторного программирования ее функционирования преобладают нереверсивные в краткосрочной перспективе воздействия (прежде всего через нормативно-правовую систему). Отметим, что экономика может иметь очень высокий удельный вес госсектора в ключевых сферах хозяйственной жизни (как австрийская или итальянская в 50–70-е годы) и тем

не менее обладать свойством рыночности. И наоборот, в ней может доминировать частный сектор и при этом превалировать нерыночная система управления (это положение было характерно для развитых стран во время первой и второй мировых войн).

С учетом перечисленных обстоятельств не вызывает сомнений, что почти все переходные экономики, сформировавшиеся в 80–90-е годы на базе административно-управляемых, достаточно быстро приобрели свойство рыночности и перестали быть переходными. Наименее очевидно это в отношении КНР, где имеют место планирование и жесткое регулирование системы финансовых потоков, а также ядро из стопроцентно контролируемых государством корпораций и банков (и при таких условиях страна в ноябре 2001 г. стала членом ВТО).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 00-02-00091а и 02-02-00078а).

Новые рыночные экономики (НРЭ), утратив качество переходности, однако не приобрели свойств, характерных для развитых рыночных макросистем. Именно поэтому по отношению к ним и сегодня широко используется термин «переходная экономика». Но это своего рода условность: НРЭ является «переходной» не больше, чем средняя развивающаяся экономика.

Конечно, все объекты этого типа несут отпечаток своего происхождения. В частности, им присущи пониженная эффективность предпринимательского сообщества и либерализованного сектора кредитной системы и фондового рынка (если тот активно не регулируется государством). Все они в условиях свободного функционирования «хуже» старых рыночных экономик (СРЭ), ближе к тем из них, что находятся в состоянии кризиса или послекризисной устойчивой депрессии. На управляющие воздействия НРЭ реагируют иначе, чем аналогичные с точки зрения состояния производственного аппарата и уровня либерализованности-приватизированности СРЭ.

Итак, на наш взгляд, *имеется достаточно оснований видеть в НРЭ не просто специфическую модификацию переходной экономики, а некий особый устойчивый тип рыночного хозяйства.*

Основные параметры, влияющие на системные свойства НРЭ

Важнейшими параметрами любой рыночной экономики являются либерализованность, открытость и приватизированность. Вместе с тем большое значение имеют и другие ее параметры, в том числе характеризующие:

предпринимательское сообщество данной страны и его эффективность (структуру, его позиции в мировом предпринимательском сообществе, особенности его инвестиционной политики и прежде всего склонность к производственным вложениям, влечение к инфляционному поведению, криминализованность и др.);

институциональную базу и организационную структуру (включая показатели, отражающие насыщенность крупными корпорациями и ФПП, банковскую систему, распределение акций между категориями инвесторов);

рынки и систему цен (в том числе степень открытости и монопольности рынков, их взаимозависимость, зависимость от импорта и т.д.);

систему финансового обеспечения функционирования экономики и ее основные составляющие (в частности, денежную, кредитную и бюджетную подсистемы).

У эффективных СРЭ (и в особенности развитых) все перечисленные выше параметры оптимизированы. У НРЭ они, наоборот, в среднем дезоптимизированы, причем характер отклонений от оптимума может сильно варьироваться. Следовательно, имеет место несколько видов НРЭ, характеризующихся значительными *системными отличиями* (причем универсального, нормального типа не существует).

По состоянию на 2000 г. НРЭ могут быть подразделены на три основные группы. В *первую группу* входят НРЭ с неэффективными системами институционального и финансового обеспечения функционирования экономики (и, в частности, слабой кредитной подсистемой) высоким уровнем приватизированности, либерализованности, открытости и заметной крими-

нализованностью предпринимательского сообщества (таковы почти все страны СНГ, в частности Россия); большими конъюнктурными рисками. У некоторых объектов этого класса наблюдается существенная нехватка денег для сделок (агрегат М1) и соответственно известная степень демонетизации, а размеры производственных инвестиций, как правило, не обеспечивают воспроизводства основных фондов.

Вторую группу составляют высоколиберализованные и приватизированные НРЭ с действенными системами финансового обеспечения функционирования экономики. Однако у них слабы кредитный и фондовый рынки. Этот тип НРЭ также страдает от дефицита инвестиций, в основном в силу депрессивного характера конъюнктуры и неэффективности кредитной системы как инструмента перераспределения финансовых ресурсов в инвестиционный сектор (таковы НРЭ основных государств Восточной Европы);

К третьей группе относятся регулируемые НРЭ с пониженным уровнем приватизированности и либерализованности, но с действенными системами финансового обеспечения функционирования экономики – особенно инвестиционной сферы (КНР, Вьетнам). Ввиду малых конъюнктурных рисков и динамичного внутреннего рынка они способны привлекать значительные массы иностранного капитала.

Можно предположить, что *эффективность НРЭ находится в непосредственной связи не столько с показателями либерализованности, открытости и приватизированности, сколько с параметрами, характеризующими состояние институциональной базы и системы финансового обеспечения их функционирования (вклю-*

чая кредитную подсистему и фондовый рынок) и эффективность предпринимательского сообщества. Кроме того, огромное значение имеет действенность административной и законодательной систем. Если на этапе входа в рынок произошло дезинвестирование производственного сектора, НРЭ применительно к либерализованному режиму функционирования всегда неэффективна.

С точки зрения величины динамического потенциала и темпов наращивания конкурентоспособности самыми продвинутыми являются НРЭ третьей группы (Китай, Вьетнам), менее эффективны НРЭ второй группы – рыночные хозяйства восточноевропейских стран и замыкают сравнение по данному критерию экономики первой группы (в частности, российская). Следовательно, и в этом плане наиболее действенными являются отнюдь не самые либерализованные НРЭ. Такой сюрприз не предусматривался неоклассической экономической теорией, играющей ныне фактически роль общей экономической теории.

Отметим, что экономика бывшей ГДР (или, как теперь говорят, вошедших в состав ФРГ новых земель) представляет собой, на наш взгляд, еще один своеобразный вид НРЭ. Уровень либерализованности у нее был практически одномоментно поднят до западногерманской планки. Одновременно в нее были вприснuty огромные финансовые средства, чтобы экономически и социально адаптировать данные территории к остальной части Германии. Однако задача приспособления большей части хозяйственного потенциала ГДР к рыночным условиям так и не была решена: экономика новых земель ФРГ оказалась в состоянии глубокого и стойкого кризиса.

Этот феномен показывает, что быстрая либерализация НРЭ до уровня развитых в данном плане стран при одновременном вливании крупных финансовых ресурсов не решает проблемы повышения и поддержания ее эффективности. Рекомендации МВФ относительно того, какой должна быть степень либерализованности и открытости НРЭ и как она должна меняться во времени, не учитывают указанного обстоятельства и потому контрпродуктивны.

Природа различий НРЭ и развитых экономик

Все без исключения типы НРЭ отличаются от эффективных развитых экономик в следующих отношениях. Они имеют:

1) недостаточную действенность либерализованного сектора кредитной системы, что выражается в ограниченности ее перераспределительной функции и практической неспособности обеспечивать инвестиционные потребности реального сектора;

2) многочисленные дефекты институциональной и организационной структур, дефицит крупных эффективных экономических образований;

3) существенно более низкую эффективность предпринимательского сообщества, выражающуюся, в частности, в слабой склонности к производственным инвестициям (применительно к либерализованному режиму функционирования) и высокой избирательности инвестиционных предпочтений (проявляется тенденция уклонения от вложений в капиталоемкие проекты);

4) низкий потенциал конкурентоспособности (отчасти в силу действия факторов 1–3); при либерализованном режиме

функционирования валютной системы – слабость национальной денежной единицы и потребность в значительных вложениях в поддержание ее курса.

Характерно, что перечисленные выше отличия НРЭ от развитых экономик весьма устойчивы. Действительно, отставание в степени либерализованности, приватизированности и открытости, как показывает опыт, может быть легко устранено. Но различия в эффективности предпринимательского сообщества и финансовых рынков или их либерализованных сегментов (с учетом того, что в НРЭ она очень низка) в принципе не поддаются быстрому изживанию.

Это положение относится, как правило, и к потенциалу конкурентоспособности. В частности, его подтягивание к уровню развитых экономик у КНР заняло 20 лет при целенаправленном проведении соответствующей политики. Отметим, что при определенных условиях данный потенциал после «попадания экономики страны в разряд НРЭ» может не только не увеличиваться, но и сокращаться. Так, например, в России по мере выбытия из строя основных фондов промышленности его уменьшение, на наш взгляд, вполне вероятно.

В целом разрыв в системном качестве развитых экономик и НРЭ такой же консервативный параметр, каким он был у развитых и слабо развивающихся экономик в 50-е и 60-е годы. Он, как правило, не может быть элиминирован и при полном выравнивании уровней либерализованности, приватизированности и открытости. Точка зрения, согласно которой сближение по этим направлениям решает все проблемы, не отвечает реальному положению вещей.

Данный разрыв не может быть ликвидирован за счет иностранных инвестиций.

Те, кто считает, что это возможно, упускают из виду относительно незначительные размеры экспорта капитала производственного назначения из развитых стран в государства со слабыми экономиками. Часто при этом ссылаются на КНР, которая в 90-е годы абсорбировала ежегодно прямые инвестиции в размере нескольких десятков миллиардов долларов. Но это кажущееся исключение. Источники импортируемого Китаем капитала весьма специфичны. Так, в 1995 г. из общей суммы прямых инвестиций и соглашений о них в сумме 37,8 млрд долл. на долю Гонконга приходилось 20,2 млрд; Макао – 0,4 млрд; Тайваня – 3,2 млрд; стран АСЕАН – 2,7 млрд; Японии – 3,2 млрд; США и Канады – 3,3 млрд; Англии, ФРГ, Франции, Италии – 1,9 млрд (китайский экономический ежегодник «Чжунго цзинци няньцзянь». На кит. и англ. яз. Бэйцин, 1996. С.598–599). Из приведенных данных видно, что внешний капитал, притекающий в КНР, имеет в основном китайское происхождение. Из развитых стран поступило лишь около четверти инвестиций, и это, несмотря на то, что там на каждый доллар вложений иностранных инвесторов приходится не менее доллара государственных вливаний в инфраструктуру спецзон.

Особенно несостоятельны надежды на иностранные инвестиции в капиталоемкие отрасли со значительным сроком окупаемости капиталовложений (например, в электроэнергетику). Их доля в прямых зарубежных инвестициях в той же КНР составляет лишь 4–5%. Если, скажем, в ближайшее десятилетие при такой пропорции из развитых стран в Россию приток бы производственный капитал в 100 млрд долл. (что по нашим масштабам совсем неплохо), то

лишь 5 млрд из них – стоимость одной крупной электростанции – поступило бы в электроэнергетику.

Огромное влияние на свойства НРЭ оказывает валютный фактор. Дело в том, что при либерализованном режиме работы валютной системы для развитых экономик правилом является относительно небольшой разрыв между курсом национальной денежной единицы и паритетом ее покупательной способности (ППС). А для слабых экономик – следовательно, для большинства НРЭ – характерны огромные размеры такого разрыва (нормальным является 2–4-кратный разрыв) при сильно заниженном курсе. Это связано отчасти с тем обстоятельством, что при невысоком потенциале конкурентоспособности одним из наиболее легких путей ее повышения является заниженный курс национальной денежной единицы. Кроме того, в глазах населения СКВ выступает как защищенный от инфляции актив. Играет свою роль и присущий практически для всех НРЭ большой спрос на импортную продукцию. В результате неблагоприятные колебания конъюнктуры на мировых рынках через валютный механизм транслируются в НРЭ, причем с усилением.

Значение имеет и то, что экспортеры при продаже единицы продукции всегда стремятся уравнять выручку на внутреннем и внешнем рынках. Коль скоро курс национальной денежной единицы занижен, это возможно лишь при реализации такой продукции на внутреннем рынке по паритетной (равной мировой, пересчитанной по курсу), превышающей средний уровень цене (поскольку курс занижен), что в свою очередь способствует росту последнего. Повышенные издержки российских производителей на энергосырье прямо и

непосредственно связаны с указанными обстоятельствами.

Очевидно, что ножницы между курсом и ППС при свободе валютных обменов и системы внешней торговли в целом являются достаточно мощным немонетарным генератором инфляции. Он действует независимо от того, избыточна денежная масса или нет. Отсюда следует принципиальная невозможность глубокой дезинфляции открытых НРЭ, в том числе методом сжатия денежной массы. Это одно из их отличий от развитых экономик. Для последних режим открытости не связан с существенными издержками, а для НРЭ, как и для большинства развивающихся экономик, дело обстоит иначе.

Специфика системы рамочных факторов, программирующих работу НРЭ, и условия ее эффективности

Любой рыночный механизм функционирует в условиях действия некоторой системы рамочных факторов. Они, с одной стороны, программируют его работу, оказывая сильное влияние на эффективность экономики в целом, а с другой – либо вовсе не поддаются давлению рыночных сил, либо достаточно медленно меняются под их давлением и, следовательно, характеризуются значительной инерционностью.

Точка зрения, сводящая условия максимума эффективности экономики, по крайней мере в долгосрочном плане, к предельной либерализованности, приватизированности и открытости, в неявном виде практически только им приписывает роль рамочных условий. На самом же деле список последних названными элементами вовсе не исчерпы-

вается. К данной категории относятся также все устойчивые неценовые факторы равновесия на рынках, все параметры, являющиеся функцией проводимой экономической политики, все устойчивые образования институциональной базы экономики и ее организационной структуры, эффективность предпринимательского сообщества, все закрепленные характеристики системы цен, хозяйственное законодательство и т.д.

Особенность НРЭ при сопоставлении с развитыми странами – обилие рамочных факторов, оказывающих негативное влияние на функционирование рынка в целом и основных товарных рынков в частности. Поэтому НРЭ присуще низкое системное качество.

Рамочные факторы, оказывающие негативное влияние на экономику, могут быть подразделены на легко поддающиеся прямым регулировочным воздействиям (управляемые) и не поддающиеся им (правда, их действие может быть уравновешено с помощью специальных систем-компенсаторов). Так, в условиях НРЭ дефицит способности либерализованного варианта кредитной системы перераспределять финансовые ресурсы в принципе не может быть устранен, но зато он может быть компенсирован за счет создания системы кредитных учреждений, работающих в регулируемом режиме. В послевоенный период и вплоть по начало 90-х годов применительно к слабым экономикам было нормой сосуществование систем кредитных учреждений, работающих в либерализованном и регулируемом режиме. Также и слабая склонность предпринимательского сообщества к инвестициям может нивелироваться разными способами и с помощью разных систем компенсаторов.

Действительно, условием эффективного функционирования любой экономики является наличие систем-компенсаторов и генерируемых ими устойчивых регулировочных воздействий. Они выполняют в отношении экономики в целом не негативную, а позитивную функцию. Так, в КНР дефицит склонности предпринимательского сообщества к производственным инвестициям эффективно скомпенсирован системой оптимизационного регулирования функционирования экономики. В России же этого не сделано. Кроме того, у нас не заполнена брешь, образованная низкой способностью либерализованной кредитной системы финансировать реальный сектор. Более того, это положение даже усугублено, поскольку проводимая финансовая политика (допускающая конвертацию накоплений в СКВ) препятствует росту потенциала кредитной системы. Соответственно экономика КНР эффективна, а России – нет.

Отметим, что основным системным компенсатором действия разнообразных негативных рамочных факторов в условиях НРЭ большинства стран Восточной Европы выступает крупноразмерное бюджетное перераспределение ВВП. Правда, оно создает эффект своеобразной бюджетной делиберализации экономики.

Специфика экономики России в качестве НРЭ

Низкий уровень эффективности НРЭ российского типа достаточно очевиден. Сравнение России и КНР в этом плане показывает следующее. В настоящее время либерализованность китайской экономики в целом много ниже, чем российской. И

это неудивительно, ведь она в 90-е годы работала в режиме жесткого программирования. Степень приватизированности экономики КНР (вне спецзон) примерно такая же, как в России в 1991 г. В то же время, достижения Китая в создании динамичного, высококонкурентного хозяйства рыночного типа общепризнаны.

Следовательно, можно сделать вывод, что причина низкой эффективности экономики России вовсе не в дефиците либерализованности и приватизированности. Она, на наш взгляд, заключается прежде всего в незначительных размерах производственных инвестиций и неэффективности системы финансового обеспечения функционирования экономики.

Для более или менее эффективных НРЭ (страны Восточной Европы и Восточной Азии) правилом является нормальный уровень деньгонасыщенности при невысоких темпах инфляции. В России же имеет место повышенная инфляционность при очень низком соотношении М1 и ВВП (т.е. при низкой деньгонасыщенности) – 50–65% уровня, минимально необходимого для монетизации сделок. В мировой практике, пожалуй, неизвестно другого такого случая, когда рыночный механизм в течение длительного времени (с конца 1993 г.) функционировал бы в условиях объема денежной массы, далеко не обеспечивающего потребности экономики. Формально причиной проведения ЦБ страны политики сжатия денежной массы до размера, существенно отстающего от того, что необходимо для 100%-й монетизации сделок, является стремление снизить темп роста инфляции. Тем не менее в отечественной экономике и после 1993 г. оставался ненормально высоким.

Данная ситуация является показателем наличия в экономике России мощных немонетарных генераторов инфляции, что делает в принципе невозможным ее глубокую дезинфляцию методом сжатия денежной массы. Одним из таких генераторов является, как показано выше, разрыв между курсом и паритетом покупательной способности рубля. Однако он не единственный в этом роде. Не менее существенную роль играет само банкротное состояние части российских агентов рынка (особенно в реальном секторе), что автоматически превращает их в повышателей цен. Практиковавшаяся в течение длительного времени политика высокого процента по кредитам рефинансирования ЦБ также является мощным генератором инфляции. Наконец, непрерывный рост регулируемых цен опять-таки порождает инфляционные импульсы.

В подобном положении сжатие денежной массы в принципе не позволяет снизить инфляцию, более того, скорее способствует ее развитию (ввиду дороговизны денег и формирования банкротного генератора). Когда такое сжатие доходит до уровня, вызывающего заметную демонетизацию экономики и, в частности, развитие бартера, оно имеет следствием не дезинфляцию, а падение объема производства, ибо рыночный механизм всегда стремится привести массу производимых товаров и услуг в соответствие с денежной массой (M1).

Важным, хотя и косвенным, результатом проведения политики сжатия денежной массы (ввиду того, что агрегат M2 обычно превышает агрегат M1 не более чем в 5–6 раз) является сокращение финансового потенциала кредитной системы и соответственно уменьшение ее способности обслуживать экономику.

Российская экономика в том виде, какой она приобрела в 1994–2000 гг., представляет собой весьма специфический вариант НРЭ – это глубоко демонетизированное рыночное хозяйство. Достаточно очевидно, что по своим свойствам оно радикально отличается от прочих видов НРЭ. Отметим, что отрицательное влияние фактора глубокой демонетизации на эффективность рыночного хозяйства перекрывает потенциальное положительное воздействие параметров либерализованности, приватизированности и открытости. Во всяком случае, реалии отечественной экономики дают достаточные основания для такого вывода.

Для российской денежной системы характерно разделение функций между долларом и рублем. За первым (равно как за СКВ вообще) закреплена функция денег для сбережений, за вторым – для сделок. Это приводит к тому, что сбережения в основной части автоматически не попадают в кредитную систему и просто уходят из экономики. Данный фактор снизил финансовый потенциал кредитной системы России в 5–6 раз.

Если бы доллар сохранил функцию денег для сделок, которую он выполнял в 1992 г., то ситуация бы в корне поменялась. С определенного момента, после того как масса наличных долларов в стране превысила бы критический размер, началась бы генерация безналичных долларов (за счет переброски такого вида вкладов из «кубышки» на расчетные счета). Приток американской валюты в Россию сократился бы (а вероятно, и вовсе прекратился), соответственно уменьшился бы отток сбережений из страны, связанный с долларовой тезаврацией. В результате кредитная

система получила бы возможность быстрого наращивания своих ресурсов.

Политика демонетизации и разделения функций между долларом и рублем не только значительно уменьшила возможности кредитной системы РФ, но и привела к возникновению своеобразного типа крупной бескредитной экономики. Реальный сектор был вынужден работать практически в бескредитном режиме, что и явилось основной причиной его высокой подверженности банкротству, а также неспособности адаптироваться к изменениям конъюнктуры и быстро реагировать на требования конкуренции капиталовложениями из кредитных источников. Наращивание конкурентного потенциала экономики при таких условиях по определению исключено.

По нашему мнению, *негативное влияние фактора «бескредитности» сильнее, чем дефицита либерализованности, приватизированности и открытости* (даже при очень существенных ограничениях в этих отношениях).

Недостаточность равновесности системы цен для обеспечения эффективного функционирования НРЭ

Равновесность системы цен является условием эффективного функционирования не всегда, а лишь при отсутствии рамочных факторов, оказывающих на экономику существенное отрицательное влияние, либо при компенсации действия таких факторов. Если эти требования не выполняются, система цен может быть равновесной, а экономика неэффективной. Именно такого рода ситуация сложилась в мировой

экономике к 1932 г.: в результате кризиса она утратила эффективность при сохранении равновесности системы цен.

Как ни парадоксально, но для НРЭ *проблема обеспечения ценового равновесия (по крайней мере, применительно к товарному рынку) приобретает острый характер главным образом в периоды резких изменений*, например при ее выводе из кризиса. В этой ситуации легко образуются неравновесные рынки, в то время как при депрессивном состоянии и открытом рынке равновесие спроса и предложения устанавливается автоматически.

Равновесные цены возможны и при наличии и при отсутствии дотаций.

Между дотационным и недотационным равновесием нет принципиальной разницы. Именно это является фундаментальной причиной превращения крупномасштабного дотирования сельского хозяйства, а равно и коммунального хозяйства в развитых странах в хроническую институцию. О последнем обстоятельстве в российских условиях (а наши государственные затраты на эти и аналогичные им цели по западным меркам незначительны) часто забывают. *Минимизация разного рода социальных затрат совсем не обязательно увеличивает равновесность системы цен.*

На практике сокращение бюджетного вклада и меры по дерегулированию могут сдвигать систему цен как в сторону равновесия, так и от него. Например, в России сегодня очевидным потенциалом неравновесности за счет превышения спроса над предложением обладают рынки продовольствия и даже углеводородного топлива. Утрата равновесия на них (кстати, в результате мер дерегулирования и прекращения субсидирования сельскохозяйственно-

го производства) создала устойчивую инфляционную ситуацию, что, в свою очередь, понижает степень равновесности всей системы цен.

Мировой опыт показывает, что состояние равновесности цен может быть совместимо как с эффективным, так и с неэффективным режимами функционирования экономики. Действенная система цен должна обеспечивать результативное функционирование в первую очередь воспроизводственного контура и финансовой системы. Причем наличие равновесия в системе цен на нефинансовых рынках не гарантирует ее способности выполнять данную функцию. Равновесие же цен на финансовых рынках очень часто препятствует этому. Так, «равновесный» (а значит, дорогой) кредитный процент всегда мешает эффективному функционированию экономики, а «регулируемый» (дешевый) – способствует.

Наши реформаторы упустили из виду, что при демонетизации и использовании СКВ преимущественно для тезаврационных целей (что автоматически меняет условия равновесия на всех основных рынках) система цен в принципе не может быть действенной независимо от того, равновесна она или нет.

При оптимизации системы цен в условиях НРЭ первоочередной является задача ее грубой регулировки (в том числе средствами налоговой политики, установлением минимума оплаты труда и варьированием ставкой процента). С помощью этих и им подобных мер необходимо сделать систему цен способной обеспечивать эффективное функционирование воспроизводственного контура и финансовой системы. Лишь во вторую очередь можно заняться тонкой регулировкой с целью повышения равновес-

ности системы цен. При этом надо помнить, что дополнительный выигрыш от увеличения равновесности относительно невелик.

Если же в той или иной НРЭ борьбе за равновесие цен на основных рынках в жертву приносится задача компенсации негативного воздействия основных рамочных факторов, то не будет ни эффективной экономики, ни действенной системы цен.

Системные эффекты перелиберализации и перерегулирования НРЭ

Результативное функционирование НРЭ возможно и при не слишком высоком (не выше, чем у послевоенных регулируемых рыночных экономик типа французской, итальянской или австрийской) уровне либерализованности. Правильность данного тезиса доказывает пример Китая, создавшего самое крупное в мире и при этом обладающее высоким потенциалом конкурентоспособности производство товаров массового спроса.

Уровень регулируемости рыночного хозяйства в КНР постепенно понижается. Еще 10 лет назад оно было сильно перерегулировано. Тем не менее это не мешало ему и тогда успешно развиваться и наращивать потенциал конкурентоспособности. Дефицит открытости (а такая гигантская экономическая масса уже в силу своей величины никогда не может быть вполне открытой) также не мешает Китаю быстро прогрессировать.

Пример Китая (особенно в сравнении с Россией и почти всеми остальными рыночными хозяйствами, сформировавшимися на базе бывшей советской экономики) показы-

вает, что для НРЭ отрицательное влияние от перерегулированности в целом много меньше, чем от перелиберализованности.

Перерегулированная экономика не может попасть в институциональную ловушку (т.е. оказаться в состоянии устойчивой неэффективности). Перелиберализованные же экономики, наоборот, очень легко попадают в такого рода ловушки (и даже в несколько таких ловушек сразу – скажем, в долговую и деиндустриализационную). Правилom является положение, что в результате перелиберализации, по крайней мере, когда денежная система не привязана к золоту и регулируется рынком, происходит генерация экономикой вторичных рамочных факторов (включая те, что порождают институциональные ловушки), обладающих значительным негативным потенциалом. Именно поэтому перелиберализованные экономики не в состоянии выходить из кризисного режима за счет внутрисистемных факторов.

Характерной особенностью перелиберализации в условиях слабой экономики является то, что она еще более ослабляет ее, автоматически блокирует возможности развития местного предпринимательского сообщества и ведет к постепенной эрозии его законопослушных сегментов. Как следствие, развивается процесс вытеснения местного предпринимательского сообщества из легального сектора «внешними силами», что еще больше криминализирует экономику.

Таким образом, можно сделать вывод, что НРЭ балансируют между двумя альтернативами. Либо эти экономики опираются на мощный регулируемый сектор и, не будучи перелиберализованными, имеют низкий уровень криминализированности.

Либо в процессе эрозии регулируемого сектора и возникновения состояния перелиберализации последний замещается теневой экономикой, а предпринимательское сообщество делегитимируется и приобретает криминальную форму.

Неолиберальная концепция реформирования НРЭ исходит из того, что состояния перелиберализации в известном смысле не существует: при его возникновении экономика довольно быстро оптимизируется действием рыночных сил. Однако имеются достаточные основания считать, что реальное положение совсем другое. Есть состояние и либерализационного оптимума и перелиберализации. Результатом последнего, в конце концов, является возникновение квазилиберального социально неэффективного экономического мутанта, имеющего с нормальной рыночной экономикой не больше общего, чем хозяйственные макросистемы административного типа. Эволюция нового рыночного хозяйства может иметь нормальный вид только при его нахождении в окрестностях либерализационного оптимума.

Литература

- Анисимов А.Н., Лазарев А.Н., Довгучиц С.И., Голубев А.В. Управление либерализационно-приватизационными преобразованиями. М.: КУБКА-а, 1997.
- Ольсевич Ю. К теории экономических трансформаций. М.: Институт экономики РАН, 1997.
- Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. №1.
- Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экономическая школа. Working Press Papers # 98/004, 1998.
- Радаев В.В., Бузгалин А.В. (ред.). Экономика переходного периода. М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 1995.
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 20.11.2001 г.